

представляет особый интерес по самой своей литературной форме. Нередко именуемая в списках «житием царевича Петра», эта, по определению В. О. Ключевского, «простая повесть, чуждая житийных приемов, без предисловия вначале, без похвалы и чудес в конце».⁵⁷ Б. Н. Путилов, характеризуя повесть, отмечает, что легендарный материал был «подвергнут политическому истолкованию и поднят на более высокую ступень художественности». Он отмечает, что на примере этой повести видно «стремление к показу человека с его сложной судьбой в развитии его характера».⁵⁸

Только текстологическое изучение судьбы этой повести-жития может показать, было ли это «стремление к показу» развития характера человека обнаружено уже автором XV в. или оно проявилось лишь у позднейших читателей. В равной степени на основе внимательного анализа списков повести подлежит уточнению ее отношение к агиографическому стилю: по-видимому, были переписчики, которые усиливали «житийную» окраску текста, но были и другие читатели, которых интересовала больше историческая и бытовая стороны повествования. Критическое издание повести, число списков которой велико, создаст прочный фундамент для решения всех подобных вопросов, важных не только для характеристики самого памятника, но и для выяснения путей развития повести в XV—XVII вв.

Характер легендарно-политического сказания приобрели в литературной обработке какие-то устные рассказы о Тимофее Владимирском. Повесть, описывающая полную всяких приключений жизнь владимирского попа, который потом стал «храбрым воеводой» у казанского царя, воевал против русских, а под конец жизни раскаялся, изучена и издана с учетом 24 списков М. О. Скрипилем.⁵⁹ Однако текстологический анализ этих списков не доведен до конца, и характеристика двух редакций с их вариантами нуждается в дополнительном обосновании, равно как неясным остался и выбор списков, положенных в основу издания каждой редакции.⁶⁰

Последний исследователь Повести о новгородском белом клобуке Н. Н. Розов, изучив все сохранившиеся списки повести, разделил их на три редакции: первая пространная (конец XV в.), вторая пространная, краткая (наиболее поздняя).⁶¹ Выводы Н. Н. Розова вызвали возраже-

очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 159—164 [приведены отрывки по рукописи Уварова, № 884 (Царского, № 743) и Уварова, № 517 (Царского, № 378)]; Ярославские епархиальные ведомости, 1875, ч. неоф., № 39, стр. 317—322, № 40, стр. 323—325; Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1886, стр. 342—345 (в отрывках по рукописи Новгородской Софийской библиотеки, № 503, и рукописи митрополита Макария, № 8); Ярославские епархиальные ведомости, 1900, ч. неоф., № 33, стр. 513—517; № 34, стр. 529—534 (по рукописи Ростовского собора); № 35, стр. 545—551 (по рукописи Толгского монастыря); Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 98—105 (по списку начала XVI в. — ГПБ, собрание Софийской библиотеки, № 1364).

⁵⁷ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 42.

⁵⁸ История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 207.

⁵⁹ М. О. Скрипиль. Повесть о Тимофее Владимирском. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1961, стр. 287—307. На различия в тексте памятника в свое время обратил внимание А. Ф. Бычков (Описание церковнославянских и русских рукописных сборников..., ч. 1, стр. 273—274), сравнил список собрания Погодина, № 1603, с изданным списком Лазаревского (Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 195—197).

⁶⁰ I редакция издана по списку ГПБ, QXVII.199; II редакция — по списку ГИМ, собрание Уварова, № 1895 (851). Позднее текст повести I редакции опубликован был М. О. Скрипилем по списку собрания Барсова, № 2134 (Русские повести XV—XVI вв., стр. 119—123).

⁶¹ Н. Н. Розов. 1) Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 178—208; 2) По-